

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-18-2-51-58>

ИНСТИТУТ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА

Горенко М.Г.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Горенко М.Г. Институт соучастия в преступлении в российском уголовном праве дореволюционного периода. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2026;18(2):51–58. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-2-51-58>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Горенко Максим Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 268-59-59

E-mail: maxim_gko@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 11.05.2026

Статья принята к печати: 09.06.2026

Дата публикации: 25.06.2026

Аннотация: Предметом исследования выступают нормы российского уголовного права дореволюционного периода, регламентировавшие совместную преступную деятельность, и доктринальные представления о соучастии в преступлении.

Целью исследования является реконструирование процесса становления института соучастия в отечественном уголовном праве с X в. до начала XX в. и выделение его основных этапов.

Задачи исследования: проследить генезис норм о совместном совершении преступления в ранних памятниках русского права; установить вклад Соборного уложения 1649 г., законодательства петровской эпохи и кодификаций XIX в. в формирование института соучастия; раскрыть доктринальное осмысление соучастия в трудах дореволюционных криминалистов.

Методологическую основу исследования составили исторический, формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой методы, а также методы анализа и синтеза.

В результате автором выделены три этапа развития института соучастия в преступлении: зарождение представлений о совместной преступной деятельности (X–XVII вв.), становление института (XVII–XIX вв.) и его системного развития (вторая половина XIX – начало XX в.). Установлено, что ключевые конструкции – виды соучастников, формы соучастия, разграничение соучастия и прикосновенности, дифференциация ответственности – сформировались к моменту принятия Уголовного уложения 1903 г. и были восприняты советским и современным российским уголовным правом.

Ключевые слова: соучастие в преступлении, институт соучастия, история соучастия в преступлении, виды соучастников преступления, формы соучастия, дореволюционное уголовное право.

THE INSTITUTION OF COMPLICITY IN A CRIME IN THE RUSSIAN CRIMINAL LAW OF THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD

Maxim G. Gorenko

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Gorenko M.G. The institution of complicity in a crime in the Russian criminal law of the pre-revolutionary period. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2026;18(2):51–58. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-2-51-58>

CONTACT INFORMATION:

Maxim G. Gorenko, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 268-59-59

E-mail: maxim_gko@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 11.05.2026

The article has been accepted for publication: 09.06.2026

Date of publication: 25.06.2026

Annotation: The *subject* of the study is the norms of Russian criminal law of the pre-revolutionary period, which regulated joint criminal activity, and doctrinal ideas about complicity in crime. The *purpose* of the study is to reconstruct the process of formation of the institution of complicity in domestic criminal law from the tenth century to the beginning of the twentieth century and highlight its main stages. The *objectives* of the study are to trace the genesis of the norms on the joint commission of a crime in the early monuments of Russian law; to establish the contribution of the Cathedral Code of 1649, legislation of the Petrine era and codifications of the XIX century in the formation of the institution of complicity; to reveal the doctrinal understanding of complicity in the works of pre-revolutionary criminologists. The *methodological basis* of the research consists of historical, formal-legal, system-structural, comparative-legal methods, as well as methods of analysis and synthesis. As a *result*, the author identifies three stages in the development of the institution of complicity in crime: the emergence of ideas about joint criminal activity (X–XVII centuries), the formation of the institute (XVII–XIX centuries) and its systemic development (the second half of the XIX – early XX century). It is established that the key constructions – types of accomplices, forms of complicity, differentiation of complicity and touching, differentiation of responsibility – were formed by the time the Criminal Code was adopted in 1903 and were accepted by Soviet and modern Russian criminal law.

Keywords: complicity in crime, institution of complicity, history of complicity in crime, types of accomplices in crime, forms of complicity, pre-revolutionary criminal law.

Введение

Институт соучастия в преступлении относится к числу наиболее сложных и практически значимых институтов уголовного права. Совместная преступная деятельность повышает общественную опасность посягательств и усложняет механизмы противодействия им, что обуславливает неизменный интерес законодателя и науки к вопросам ее правовой регламентации. Институт соучастия в преступлении формировался на протяжении длительного исторического периода, а потому генезис его составляющих элементов (виды соучастников, формы соучастия, ответственность при соучастии и т.д.) не может быть в полной мере понятен.

Многие современные ученые обращаются к дореволюционному опыту [2, с. 26–29; 5; 8, с. 30–35]. Это имеет не только историко-познавательное, но и прикладное значение, ведь именно в этот период были выработаны базовые подходы, впоследствии воспринятые советским, а затем и современным российским уголовным правом. Вместе с тем вопрос о моменте зарождения

института соучастия и об этапах его развития остается дискуссионным, что определяет актуальность настоящего исследования.

Методы исследования

Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и частнонаучных методов познания, среди которых можно выделить анализ, синтез, исторический, формально-юридический, системно-структурный, а также сравнительно-правовой.

Результаты исследования

Проведенный анализ показывает, что развитие института соучастия в дореволюционном уголовном праве носило поступательный и в целом последовательный характер. От практически полного отсутствия общих положений о совместной преступной деятельности законодатель пришел к относительно стройной системе норм, разрешавшей ключевые вопросы о видах соучастников, пределах их ответственности, формах преступных объединений и разграничении соучастия с прикосновенностью к преступлению. Это развитие протекало неравномерно, что позволяет выделить три относительно самостоятельных этапа.

Первый – этап зарождения представлений о совместной преступной деятельности (X–XVII вв.) – охватывает период от древнерусских правовых памятников до Соборного уложения 1649 г. Для него характерно лишь фрагментарное упоминание о совершении преступления несколькими лицами при отсутствии развитой системы общих положений. Законодатель учитывал сам факт совместного участия, но еще не стремился к разграничению ролей соучастников, форм их взаимодействия и особенностей ответственности.

Второй – этап становления института (XVII–XIX вв.) – охватывает период от Соборного уложения 1649 г. до Уложения о наказаниях 1845 г. Именно в это время совместная преступная деятельность начинает восприниматься как самостоятельное уголовно-правовое явление, требующее развернутой регламентации. Законодательство постепенно приходит к разграничению ролей соучастников, выделению отдельных форм преступных объединений и учету степени участия лица в преступлении.

Третий этап – системное развитие института (вторая половина XIX – начало XX в.). Под значительным влиянием отечественной доктрины и зарубежного законодательства были выработаны многие положения, впоследствии воспринятые советским и современным российским уголовным правом. Этот период отличается более высоким уровнем юридической техники, систематизацией материала, последовательной дифференциацией ответственности соучастников и окончательным разграничением соучастия и прикосновенности. Наиболее полно указанные тенденции отразились в Уголовном уложении 1903 г., ставшем итогом дореволюционного этапа развития института.

Научная дискуссия

Уже на ранних этапах развития общества преступная деятельность нередко носила коллективный характер, что повышало общественную опасность посягательств. Н.С. Таганцев, характеризуя ее формы, отмечал, что наряду с совершением преступления одним лицом возможно присоединение к деятельности субъекта действий других лиц, вследствие чего результат становится итогом совместных усилий; особую разновидность таких «совпадений деятельности» он именовал соучастием¹. Потребность в правовом реагировании на совместную преступную деятельность возникла задолго до системной кодификации, однако вопрос о моменте формирования института остается дискуссионным. Отдельные упоминания о ней встречаются уже в древнейших памятниках: в ст. 7 договора Руси с Византией 911 г. указание на деяние, совершенное «дружинне», иногда толкуется как совершение преступления шайкой, хотя такое толкование небесспорно².

Начальный этап обоснованнее связывать с Русской Правдой. Древнерусскому законодателю уже были известны коллективные посягательства: ст. 31 Краткой редакции (конокрадство) оговаривает случай, «если воров будет даже 10», аналогичное указание содержит ст. 40³. Этому факту, однако, еще не придавалось определенного уголовно-правового значения. Историки указывают на ошибку в тексте Краткой редакции, в связи с чем обоснованнее толкование, по

¹ Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть общая. Вып. 2. СПб.: Государственная типография, 1888. С. 864–865.

² См. подробнее: Некоз А.С. Уголовная ответственность за подстрекательство к преступлению: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 19.

³ Памятники Русского Права. Вып. 1. Памятники права Киевского государства X–XII вв. / сост. А.А. Зимин; под. ред. С.В. Юшкова. М.: Госюриздат, 1952. С. 84.

которому каждый соучастник нес самостоятельную, но не повышенную ответственность¹; равная ответственность устанавливалась и ст. 41–43 Пространной редакции – штраф в едином размере независимо от числа воров². На объем ответственности тогда еще не влияли ни степень участия, ни распределение ролей. По мнению А.А. Сухова, единая мера наказания объяснялась тем, что основанием ответственности признавалась субъективная связь лица с деянием: соучастники осознавали совместный характер посягательства и «находились в преступной связи»; источником этих правил он считал византийско-каноническое право [11, с. 27–30].

Предпосылки дифференциации прослеживаются уже здесь. Статья 121 Пространной редакции при краже холопа различала последствия в зависимости от того, кто участвовал в ней совместно, а при участии свободных лиц предусматривала более суровую ответственность, что позволило ряду исследователей видеть здесь различие между «товарищами» (исполнителями и соисполнителями) и «помощниками»-укрывателями³. В Уставе Владимира Всеволодовича XII в. появляются нормы об укрывательстве (ст. 65, 112), причем наказуемость укрывателя беглого холопа ставилась в зависимость от осознания им факта укрывательства – зачаток учета психического отношения к деянию⁴. Однако ответственность за укрывательство связывалась еще не с оценкой прикосновенности, а с восстановлением интереса потерпевшего через гражданско-правовые институты, что говорит о неотделенности уголовного права от гражданского.

Русская Правда оставалась основным источником до конца XV в., что предопределило отсутствие заметного развития института. Псковская и Новгородская судные грамоты и Судебник 1497 г. затрагивали совместные посягательства лишь фрагментарно. Статья 46 Псковской судной грамоты, регулируя виндикацию краденой вещи, по существу требовала от владельца доказать, что он не соучастник кражи⁵; ст. 120 прямо допускала обвинение нескольких лиц и, по замечанию Ю.Г. Алексеева, охватывала неизвестные Русской Правде случаи коллективных побоищ – здесь усматривают первое появление признаков состава с «необходимым» соучастием [1, с. 60]. В Соглашении Смоленска с Ригой и Готским берегом (приблизительно 1230–1270 гг.) ст. 2 предусматривала выдачу разбойников, убивших вольного мужа, «колико то их будет было», то есть независимо от их числа [4, с. 18].

В Судебнике 1497 г. прямые указания на совершение преступления несколькими лицами отсутствуют. По мнению А.А. Арямова, это объясняется тем, что составители не различали исполнителя и иных участников, считая их равно опасными⁶. Однако губные грамоты свидетельствуют об остроте проблемы групповой преступности. Так, в них уже встречается обозначение видов соучастников по функциям – «становщики», «приездщики», «подводщики», «поноровщики»⁷. Нормы о соучастии есть и в церковном праве: ст. 7 Правосудия митрополичьего наряду с исполнителем упоминает «умытцев» (соисполнителей похищения), а Стоглав запрещал тиунам и недельщикам сговор «с ябедниками и блудницами»⁸.

Активно институт развивается в источниках XVI в. Статья 4 Белозерской губной грамоты 1539 г. закрепляла розыск «товарищей» разбойника и единую смертную казнь; сходный подход – в ст. 2–3 Мединского губного наказа 1555 г., где при равной уголовной ответственности уже различались гражданско-правовые последствия в зависимости от социального статуса соучастников⁹.

¹ Памятники Русского Права. Вып. 1. Памятники права Киевского государства X–XII вв. ... С. 100–101.

² Там же. С. 126.

³ Попов А.Н. Русская правда в отношении к уголовному праву. М.: Университетская типография, 1841. С. 71.

⁴ Памятники Русского Права. Вып. 1. Памятники права Киевского государства X–XII вв. / сост. А.А. Зимин; под. ред. С.В. Юшкова. М.: Госюриздат, 1952. С. 115–119.

⁵ Памятники русского права. Вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. / сост. А.А. Зимин; под. ред. С.В. Юшкова. М.: Госюриздат, 1953. С. 311.

⁶ Арямов А.А. История уголовного права России: учеб. пособие. М.: Юстиция, 2020. С. 38.

⁷ См.: Попрядухина И.В. Правонарушения и юридическая ответственность по Судебнику 1497 года: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2012. С. 24.

⁸ Российское законодательство X–XX вв. в 9 томах. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1985. С. 347–348.

⁹ Памятники русского права. Вып. 4. Памятники права периода укрепления русского централизованного государства XV–XVII вв. / под. ред. Л.В. Черепнина. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. С. 177, 180, 181.

Статья 47 Судебника 1550 г. закрепляла ответственность недельщиков и «заговорщиков»: термин «заговор» означал здесь не преступное соглашение, а служебное товарищество, но норма отражала восприятие коллективного начала и попытку увязать ответственность с принадлежностью к объединению [6, с. 290].

Из Судебника 1550 г. нередко выводят зачатки прикосновенности и пособничества, однако, комментируя ст. 53, П.Д. Колосовский отмечал, что освобождение вора и недоносительство недельщика суть нарушение служебного порядка, лишь соприкасающееся с преступной деятельностью, но не образующее соучастия [6, с. 267]. Самостоятельное значение укрывательству придавала Уставная книга Разбойного приказа 1555 г., пресекавшая и сокрытие значимой для розыска информации, и предоставление преступникам убежища¹. Укрыватели несли менее суровую, преимущественно гражданско-правовую ответственность («имати выти») с торговой казнью; вместе с тем в Приговоре о разбойных делах 1555 г. сохранялся принцип равной ответственности, а ее объем уже ставился в зависимость от наличия предварительного соглашения².

Существенный импульс дало Соборное уложение 1649 г. Его главным достижением стало закрепление специального обозначения совместной деятельности категориями «скоп» и «заговор» (ст. 18–22 гл. II, ст. 198 гл. X): «скоп» означал объединение без предварительной согласованности, «заговор» – более устойчивую форму с общим замыслом³. Уложение различает исполнителя и иных участников; фиксируются формы воздействия на исполнителя – «повеление», «научение», «склонение», свидетельствующие о формировании представлений о подстрекательстве. По А.Е. Стрекалову, «повеление» и «научение» объединяли подстрекательство и элементы организаторской деятельности [10, с. 324]; обозначение инициатора смуты термином «вор», как указывает В.А. Томсинов, позволяет видеть в нем специальное обозначение лица, побуждающего к преступлению⁴.

Пособничество по-прежнему связывалось преимущественно с укрывательством и сокрытием похищенного (ст. 20, 62, 64, 77 гл. XXI). Разграничение исполнительства, подстрекательства и пособничества, как отмечал П.Д. Колосовский, имело лишь номинальное значение, поскольку наказание соучастников приравнивалось к наказанию исполнителя [6, с. 267]. Это уравнивание более всего характерно для подстрекателей и соисполнителей; к пособничеству законодатель подходил дифференцированное, причем разграничение определялось не столько характером участия, сколько иерархией охраняемых ценностей: пособничество разбойникам или крамольникам каралось наравне с исполнительством, в иных случаях – мягче (ст. 198–199 гл. X).

В петровскую эпоху внимание к совместной деятельности возрастает, но от наметившейся дифференциации законодатель отказывается в пользу равной ответственности. Артикул воинский 1715 г. считал одинаково опасными исполнителей и иных причастных лиц: наказанию «яко» исполнители подлежали и действовавшие «с помощателями» (арт. 138), содействовавшие «советом, помощью и делом» (арт. 149), и не известившие о замысле (арт. 19). Вывод об утрате соучастием самостоятельного значения [3, с. 6; 7, с. 131] неточен: Петр I придавал групповым преступлениям значение повышено опасных для государства, запрещая «сходбища и собрания» под страхом смертной казни (арт. 133) [9, с. 57].

Формально уравнивая ответственность, законодатель различал главных виновников и пособников (арт. 19, 149, 155) и подстрекателей («подкупят или к тому склонят» – арт. 2; «другим соблазн учинят» – арт. 11, 14). Фигура организатора еще не обособлена, сочетая признаки инициатора и подстрекателя («заводчик возмущения», «зачинщик драки»). Укрывательство и попустительство карались, как правило, наравне с исполнительством (арт. 19, 95, 136). Суровость объясняют тем, что под соучастие подводились и формы деятельности, лишь соприкасающиеся с преступлением, при которых лицо не сознавало своего участия [9, с. 57–58]. Прикосновенность еще не отделялась от

¹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии. Т. 2: 1598-1613. СПб.: Типография 2 отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1836. С. 389–390.

² Памятники русского права. Вып. 4. Памятники права периода укрепления русского централизованного государства XV-XVII вв. ... С. 357.

³ Законодательные памятники Русского централизованного государства XV-XVII вв. Соборное уложение 1649 г. Текст. Комментарии // рук. авт. коллектива А.Г. Маньков. Л.: Наука, 1987. С. 154.

⁴ См.: Соборное уложение 1649 года. Законодательство царя Алексея Михайловича / сост. В.А. Томсинов. М.: Зерцало, 2011. С. 50.

соучастия, но в условиях приоритета государственных интересов и представления о доносе как обязанности недоносительство и укрывательство стали восприниматься как самостоятельное посягательство на интересы государства, что подтверждают именны указы (от 5 февраля 1705 г., 27 сентября 1711 г.)¹.

Линия сохранялась весь XVIII в. Так, рядом Указов предписывалось казнить заводчиков и подговорщиков, а также дающих разбойникам пристанище². Вместе с тем в указах впервые закрепляется термин «сообщник», отделяемый от лиц, не донесших о намерении преступников, – фактически различаются соучастие и прикосновенность; упоминание «сообщества с разбойниками» в указе 1759 г. позволяет видеть зарождение представлений о преступной группе³. Дальнейшее развитие связано с «Наказом» Екатерины II, которая, опираясь на идеи Ч. Беккариа, впервые последовательно различила исполнителя и «сообщников» и поставила вопрос о дифференциации наказания, указав на необходимость более строгого наказания исполнителей (ст. 202) и пользу прощения сообщнику, открывающему преступление (ст. 203) [13, с. 49].

Качественно новый этап приходится на XIX в., когда начинается систематическое научное осмысление уголовно-правовых явлений и переход к абстрактному изложению норм. Свод законов 1832 г. впервые относительно обособил нормы о соучастии (т. XV, гл. 1, ст. 11–15)⁴, сформулировав общее понятие «сообщников», под которыми понимались все, «в совокупности произведшие оное в действие» (ст. 11), и описав их виды – зачинщиков, помощников и участников, укрывателей, становщиков (ст. 12–15). Классификация еще не отличалась ясностью; сохранялся принцип равной ответственности, кроме зачинщиков и «пущих виновников» (ст. 118–119), а к сообщникам по-прежнему относили лиц, лишь прикосновенных к преступлению.

Положения Свода были развиты в Уложении о наказаниях 1845 г. (в ред. 1885 г. без принципиальных изменений), и именно тогда активно развивается доктрина. Дефиниции соучастия законодатель не раскрывал, оставляя вопрос науке. С объективной стороны соучастие связывалось с особой причинной связью, при которой действия одних выступают причиной действий других⁵. С субъективной стороны соучастие связывалось с наличием вины и умышленным характером участия⁶.

Придав нормативное значение наличию или отсутствию предварительного соглашения (ст. 13–14), законодатель закрепил разграничение форм, обозначавшихся как скоп и сговор. Под влиянием немецкой доктрины (Л. Фейербах, К. Грольман) выделялись и более сложные формы – комплот (заговор) и шайка.

Роли участников описывались через ту же субъективную составляющую. При отсутствии предварительного соглашения различались главные виновники и участники, «которые непосредственно помогали главным виновникам» (ст. 14), – разграничение, заимствованное, как считается, из французского законодательства⁷.

¹ О нечинении смертной казни преступникам, кроме бунтовщиков и смертоубийц, о наказании их кнутом, о вырезывании ноздрей у важнейших преступников и заклеивании прочих: Именной Указ от 5 февраля 1705 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1. Т. 4. № 2026; О награждении доносителей о делателях фальшивой медной монеты, и о наказании за утайку оных: Сенатский Указ от 27 сентября 1711 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1. Т. 4. № 2430.

² О высылке поселившихся по Царицынской линии беглецов на прежние жилища и о мерах к прекращению такового самовольного переселения: Именной Указ от 20 февраля 1714 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1. Т. 8. № 5241; Об искоренении воров и разбойников и об удержании беглецов: Именной Указ от 7 июня 1731 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1. Т. 8. № 5774.

³ О искоренении разбойников и наказании сообщников их и пристанодержателей: Именной Указ от 22 октября 1759 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1. Т. 14. № 11.001.

⁴ Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Т. 15: Свод законов уголовных. 2-е изд. СПб., 1833 [сайт]. ФГБУ «Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина»; 2026 [обновлено 10 мая 2026; процитировано 10 мая 2026]. Доступно: <https://www.prilib.ru/item/364033>.

⁵ Познышев С.В. Учебник уголовного права: Очерк основных начал Общей и Особенной части науки уголовного права. I. Общая часть. М.: Юридическое издательство Наркомюста, 1923. С. 146.

⁶ Там же. С. 147; Жиряев А.С. О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении. Дерпт: тип. Г. Лаакманна, 1850. С. 36.

⁷ Таганцев Н.С. Указ. соч. С. 882.

Принципиальным было дальнейшее разграничение соучастия и прикосновенности: попустители, укрыватели и недоносители уже не включались в число «сообщников» (ст. 16–17). Существенным шагом стало правило о соответствии меры наказания степени участия (ч. 3 ст. 110). Ответственность соучастников осмысливалась как солидарная – по Н.С. Таганцеву, неделимая¹, – при признании необходимости индивидуализации наказания.

Наивысшая ответственность связывалась с главным виновником и зачинщиком (ст. 123–124); близко к ним стояли подстрекатели, в отношении равной ответственности которых единства не было. И.Я. Фойницкий предлагал ограничивать ее фактом наступления результата [12, с. 23]. Ответственность пособников, как правило, уменьшалась, ответственность укрывателей приравнивалась к ответственности необходимых пособников с понижением на степень (ст. 131), наименьшая строгость – для недоносителей (ст. 132). Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г. ограничился единственным положением о повышенной ответственности исполнителя и подговорщика и пониженной – иных соучастников (ст. 15), упростив подход к соучастию².

Накопленный опыт обобщен в Уголовном уложении 1903 г., фактически не вступившем в действие, но отразившем высокую степень разработки института³. Законодатель отказался от казуистичной системы в пользу трехзвенной – исполнители, подстрекатели, пособники (ст. 51), сохранив менее строгую наказуемость пособников. Некоторые формы преступных объединений впервые выведены на уровень Общей части: упоминаются преступное сообщество (ст. 52, образующее самостоятельный состав по ст. 102) и шайка. Наконец, окончательно разграничены соучастие и прикосновенность: нормы об укрывательстве и недонесении перенесены в главу «О противодействии правосудию», что С.В. Познышев считал несомненным достоинством Уложения⁴.

Таким образом, институт соучастия в преступлении в российском уголовном праве дореволюционного периода прошел длительный путь – от казуистических упоминаний о совершении преступления несколькими лицами в древнерусских памятниках до развернутой системы норм Уголовного уложения 1903 г. Решающее значение для его оформления имели Соборное уложение 1649 г., закрепившее специальные обозначения совместной преступной деятельности, и кодификации XIX в., в которых под влиянием отечественной доктрины и зарубежного законодательства были выработаны учение о видах соучастников и формах соучастия, принцип дифференциации ответственности соучастников и разграничение соучастия с прикосновенностью к преступлению. Сформированные в этот период подходы во многом сохранили значение и составляют историко-теоретическую основу современного отечественного учения о соучастии.

Список использованной литературы:

1. Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Л.: Наука; 1980.
2. Багаев В.В. Генезис квалифицирующих признаков состава преступления в российской дореволюционной уголовно-правовой доктрине. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;(1(17)):26–29. DOI: 10.31429/20785836-17-1-26-29.
3. Биисов Ж.К. Генезис института соучастия в отечественном уголовном праве. *Диалог*. 2025;(8(38)):6–7.
4. Георгиевский Э.В. Уголовно-правовая характеристика международных договоров

References:

1. Alekseev Yu.G. [The Pskov Letter of Judgment and its time. The development of feudal relations in Russia of the XIV–XV centuries]. L.: Nauka; 1980. (In Russ.).]
2. Bagaev V.V. [Genesis of qualifying elements of a crime in pre-revolutionary Russian criminal law doctrine]. *Yuridicheskii vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2025;(1(17)):26–29. DOI: 10.31429/20785836-17-1-26-29. (In Russ.).]
3. Biisov Zh.K. [Genesis of the institution of complicity in Russian criminal law]. *Dialog = Dialogue*. 2025;(8(38)):6–7. (In Russ.).]
4. Georgievskiy E.V. [Criminal law characteristics of international treaties and agreements of ancient and

¹ Таганцев Н.С. Указ. соч. С. 869.

² Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. [сайт]. ФГБУ «Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина»; 2026 [обновлено 10 мая 2026; процитировано 10 мая 2026]. Доступно: <https://www.prilib.ru/item/459970?ysclid=moz36zvhs922251650>.

³ Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. [сайт]. Национальная электронная библиотека (НЭБ); 2026 [обновлено 10 мая 2026; процитировано 10 мая 2026]. Доступно: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003714958/.

⁴ Познышев С.В. Указ. соч. С. 147.

и соглашений древней и средневековой Руси X-XV вв. *Сибирский юридический вестник*. 2004;(2):14–19.

5. Епифанова Е.В. Становление и развитие института соучастия в преступлении в России: монография. Краснодар: Кубанский государственный университет; 2003.

6. Колосовский П.Д. Очерк исторического развития преступлений против жизни и здоровья: опыт исследования по русскому уголовному праву. М.: тип. Т.Т. Волкова и К^о; 1857.

7. Куковякин А.Е., Бессонова И.В. Формирование института соучастия в преступлении в отечественном уголовном праве. *Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии*. 2023;(2(56)):130–135.

8. Овчаров А.В. Развитие института соучастия: от Уголовного уложения 1903 года до первого Уголовного кодекса РСФСР. Часть вторая. *Юридическое образование и наука*. 2024;(6):30–35.

9. Ромашкин П.С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I / под ред. А.А. Герцензона. М.: РИО ВКА; 1947.

10. Стрекалов А.Е. Становление и развитие уголовного законодательства об ответственности за подстрекательство к преступлению. *Проблемы права: теория и практика*. 2022;(59):322–333.

11. Сухов А.А. Основания наказуемости преступлений по Русской Правде. *Юридический вестник*. М., 1873. Кн. 12. С. 5–60.

12. Фойницкий И.Я. Уголовно-правовая доктрина о соучастии. *Юридический вестник*. М., 1891. Т. 7. Кн. 1. С. 3–28.

13. Шубина В.Ю. Посоничество в совершении преступления в истории отечественного уголовного законодательства (X в. – начало XX в.). *Вестник Краснодарского университета МВД России*. 2010;(2):46–51.

medieval Rus' of the 10th–15th centuries]. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik = Siberian Law Herald*. 2004;(2):14–19. (In Russ.)]

5. Epifanova E.V. [Formation and development of the institution of complicity in crime in Russia]. Krasnodar: Kuban State University; 2003. (In Russ.)]

6. Kolosovsky P.D. [An essay on the historical development of crimes against life and health: research experience in Russian criminal law]. Moscow: tip. T.T. Volkova and Co; 1857. (In Russ.)]

7. Kukovyakin A.E., Bessonova I.V. [Formation of the institution of complicity in crime in Russian criminal law]. *Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii = Proceedings of the Orenburg Institute (Branch) of the Moscow State Law Academy*. 2023;(2(56)):130–135. (In Russ.)]

8. Ovcharov A.V. [Development of the institution of complicity: from the Penal Code (Ugolovnoe ulozhenie) of 1903 to the first Criminal Code of the RSFSR. Part two]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka = Legal Education and Science*. 2024;(6):30–35. (In Russ.)]

9. Romashkin P.S. [The main principles of Peter the Great's criminal and military criminal legislation / ed. by A.A. Herzenzon]. Moscow: RIO VKA; 1947. (In Russ.)]

10. Strekalov A.E. [Formation and development of criminal legislation on liability for incitement to crime]. *Problemy prava: teoriya i praktika = Problems of Law: Theory and Practice*. 2022;(59):322–333. (In Russ.)]

11. Sukhov A.A. [Grounds for punishability of crimes according to Russian Truth.]. *Yuridicheskiy vestnik = Legal Bulletin*. Moscow, 1873. Book 12. pp. 5–60. (In Russ.)]

12. Foynitsky I.Ya. [Criminal law doctrine of complicity]. *Yuridicheskiy vestnik = Legal Bulletin*. Moscow, 1891. Vol. 7. Book 1. pp. 3–28. (In Russ.)]

13. Shubina V.Yu. [Aiding and abetting in the commission of a crime in the history of Russian criminal legislation (10th – early 20th century)]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2010;(2):46–51. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горенко Максим Геннадьевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: 0000-0002-0085-1169

AuthorID: 1103671

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maxim G. Gorenko

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: 0000-0002-0085-1169

AuthorID: 1103671